

О. С. Климков

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО: ОПЫТ ПРАВОСЛАВНОГО МЫШЛЕНИЯ В СХОЛАСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В данной статье рассматриваются религиозно-философские воззрения Тихона Задонского в контексте культурно-исторической ситуации его эпохи. Особое внимание уделено его антропологии и гносеологии. Подчеркивается соответствие его способа мышления глубинным основам православной ментальности, получившим адекватное выражение, несмотря на схоластическое обрамление.

Ключевые слова: христианская философия, схоластика, гносеология, антропология, сердце, теозис, исихазм.

«Евангельская и христианская философия» Тихона Задонского, как он сам любил называть свою систему взглядов, во всей полноте раскрывается на страницах его многочисленных творений. Мы не найдем здесь привычной для западного мышления систематической формы подачи материала, основанной исключительно на рассудочном мышлении. Схоластика в эту эпоху была повсюду, окутывая собой все школы, она являла собой господствующий стиль мышления, но была внутренне чужда Задонскому мыслителю. «Он сполна вкусил плодов латинской школы, сам преподавал риторику, и память его хранила множество цитат из книг латинских авторов. Но схоластика не затмила для святителя главного, чем он жил, – святого Божия слова. <...> Стремясь упорядоченно и доходчиво донести до читателей истины веры, святитель даже прибегает к нумерации основных положений своего повествования. Текст изобилует риторическими вопросами, восклицаниями и другими приемами ораторской речи. Но в творениях святителя Тихона это перенесение элементов латинской школы на русскую почву выглядит совершенно органично: его ученость сиюминутно поверяется живым опытом, это проповедь, выстраданная жизнью. В жестких рамках схоластической формы – неожиданная для просвещенческого морализаторства XVIII века пронзительность искреннего чувства и гармония простоты»¹.

О положении дел в духовном образовании свидетельствует следующее высказывание архиепископа Филарета (Гумилевского), выдающегося историка и богослова XIX века: «Метода учения и круг наук в семинариях и академиях были взяты из Киева или, точнее, из польских училищ: знание латинского язы-

ка считалось первою необходимостью; все предметы, начиная с риторического класса, преподавались на латинском языке; отсюда, кроме недостаточного знания отечественного языка, самая большая часть слабо знала предметы учения; философию заведывала схоластика; богословием – диалектическая полемика; ненужному учили много, нужному же мало»². В книге о Задонском подвижнике П. С. Казанский отмечает: «В творениях его мало можно встретить таких богословских догматических рассуждений, в которых бы истины веры излагались в систематическом порядке. Он не обращается к ученым доказательствам веры Христовой»³. По мнению же ученого русского католика, свт. Тихон: «всегда старался представить догматы веры в соотношении с нравственно-религиозными вопросами, подчеркивая живую связь, соединяющую догматы и действительность повседневной жизни. <...> Поскольку нам известно, он, единственный, облакал богословское учение в своеобразную форму, подходящую для русского мышления. <...> Духовное учение св. Тихона может быть кратко изложено, как завет всеобъемлющей радости»⁴. «Он хотел быть, – подчеркивает А. Ф. Замалеев, – не учёным толкователем истин христианской веры, а её апологетом, просветителем, составителем «христианского алфавита» для сложения божественных слов духовного любомудрия. Свою «евангельскую философию» он воспринимал как рассуждение о делах мира, но не с точки зрения испытания природы вещей, познания их единичности и соотношения друг с другом, а как способ уяснения суетности и краткости земного бытия, возведения сердца от видимым к невидимым и от временных к вечным. И он не видел в реальной действи-

тельности ни одного, даже малейшего, «случая», который так или иначе не наводил бы человека на богомысленные размышления»⁵. Иными словами: «Все многочисленные творения святителя Тихона Задонского проникнуты евангельским и святоотеческим духом и поэтому представляют собой богатую сокровищницу духовной мудрости для каждого христианина, какого бы развития умственного и нравственного он ни был, в каком бы звании и состоянии ни находился»⁶.

Исследователи разных столетий сходятся в признании оригинального и живого характера творчества Задонского мыслителя, отмечая глубокую его пронизанность подлинно христианским духом. «Тихон, епископ воронежский <...> оставил прекрасное сочинение «Об истинном христианстве» – пишет архиеп Филарет (Гумилевский), – Хотя оно не имеет систематической строгости, но зато проникнуто истинным христианским духом и оригинально с начала до конца»⁷. Прот. Г. Флоровский, упоминая то же произведение, отмечает: «Святитель Тихон был большим писателем. В его книгах увлекает эта легкость и пластичность образов. В особенности книга «Об истинном христианстве» имела историческое значение. Это не догматическая система, скорее мистическая этика, или аскетика. Но это был первый опыт живого богословия, и опытного богословия, в отличие и в противовес школьной эрудиции, без подлинного опыта...»⁸. А. Ф. Замалеев подчеркивает, что нравственная философия Тихона Задонского «своей обращенностью к человеку, его нуждам и чаяниям укрепляла в нем деятельное, творческое сознание, возбуждала к личному участию в деле собственного совершенствования и спасения. Отсюда было уже недалеко до Достоевского и Толстого»⁹. Пока лишь отметим этот акцент на усилении личностного фактора в учении свт. Тихона. Подробнее мы будем говорить об этом ниже.

Приступая с анализу философско-богословских воззрений Тихона Задонского, нам необходимо, в первую очередь, рассмотреть по существу, что же он сам подразумевал под своей «евангельской философией», и каким способом можно ей обучиться. В одном из двух главных своих творений: «Сокровище духовном, от мира собираемом» святитель предлагает исчерпывающие рассуждения на данную тему: «Видим, что люди различным художествам и наукам обучаются. <...> Тако

христианам должно обучаться по христиански жить. <...> Познается христианин <...> не от внешнего любомудрия, но от евангельской и христианской философии обучения. Многие красно говорят и пишут, но грубо живут; многие изрядно в естественных вещах философствуют, но христианского и алфавита не знают. Истинный мудрец есть, кто миру юрод, но Христу мудр. <...> Обучение христианское состоит в сих пунктах: 1) В познании Бога. Когда Бога будешь познавать, то будешь умудряться, но внутрь, а не вне... 2) В воздержании и умерщвлении страстей и похотей, которые воюют на душу. Но и zde нужно познание. Познавай убо, что в сердце твоём крыется. <...> Учись убо познавать себе, да познаеши, коль великое бедствие крыется в тебе, и будешь тщаться от того избавиться... 3) В правде и любви к ближнему. И zde познание нужно. Познавай, что ближний твой такойжде человек, как и ты, и все то имеет, что и ты; и всего того не хочет, чего и ты; хочет всякого добра, не хочет никакого зла, как и ты. <...> Сия есть христианская наука. Сие есть изрядное художество. Сей философии обучающийся есть истинный мудрости любитель. <...> 4) Всякое человеческое тщание и усердие, без помощи Божией, не сильно. Ибо плоть всегда хочет обладати человеком; и разум наш без просвещения Божия слеп»¹⁰. Здесь мы видим классическое восприятие философствования как образа жизни и непрерывной подготовки к смерти, восходящее к раннехристианским и античным традициям любомудрия. Слова его не нуждаются в комментариях. Скажем лишь, что это гораздо более высокий идеал любви к мудрости, нежели исключительно интеллектуальный способ познания, приведший к трагической раздвоенности бытия и сознания в Новое время. Призывая всех на путь христианского любомудрия, святитель указывает на необходимость изучения азбуки его: «Что алфавит или азбука начинающим учиться чтению книжному, т.е. христианам, хотящим учиться христианского жития, есть смирение»¹¹. Не к рассудку лишь обращается философ, но к целостному человеку в единстве его душевно-телесного состава, призывая его к самопознанию и очищению сердца.

Перейдем к содержательной стороне «евангельской философии». В части христианской онтологии – догматического учения о Боге и мире – учение мыслителя достаточно традиционно. Остановимся, прежде всего, на

его антропологических воззрениях. По мысли свт. Тихона, человек являет собой богоподобное существо, призванное к вечному блаженству в единении с Богом, сотворившим ради него весь видимый мир. Одно из писем святителя целиком посвящено размышлению о человеке, его первоизданном величии, трагическом падении и новом призвании к высшей жизни в Боге: «Но поверь мне, что сколько раз о человеке разсуждаю, столько раз в великое прихожу удивление благодати и любви Божия к человеку... Воистину дивное создание Божие – человек! <...> коль красная душа человеческая, по образу Божию созданная. Образ бо должен быть подобен первообразному. Все создание подчинено есть человеку. <...> Но когда пал и погибл человек: чудным и непостижимым образом возставлен и взыскан человек. Сам Бог, – что всякий разум и удивление превосходит, – Сам Бог ради человека в многобедный мир сей пришел... Вот тебе, что есть человек, и как он честен у Бога! <...> Бог в человеке и за человека»¹². Во втором книге труда «О истинном христианстве» отдельная глава посвящена описанию величия человеческой души и носит заглавие: «О благородии, достоинстве и красоте души человеческия». «...Человек изряднейшее, краснейшее, благороднейшее и совершеннейшее Божие создание»¹³. Знаками красоты душевной выступают вера во Христа, чистота совести и свидетельство добрых дел. «Когда христианин отвращается сердцем и любовью от Христа, и обращается ко греху и миру, тогда веры ко Христу не сохраняет; следственно погубляет доброту и красоту души своея...»¹⁴. Упадок подлинной веры во времена жизни подвижника заставляет его с горечью восклицать: «Но благороднейшую свою душу почтить и прославить... едва кто старается. Весьма мало таких есть. О имя – христианин! Коль ты великое и славное, толь от христиан, а паче в нынешнем веке, презираемое и попираемое!»¹⁵.

Читая эти и подобные им строки диву даешься, откуда черпают свои представления о христианстве те, кто считает, что оно унижает человека. Хотя, по-видимому, относя вышесказанное к области туманной метафизики, они извлекают свои мнения из христианских же текстов, повествующих о человеке в его состоянии после грехопадения. Заведомо отвергая путь к обожению, они толкуют о неких либеральных свободах и правах, низ-

водя великое создание Божие до уровня высокоинтеллектуального животного, испытывающего ряд примитивных чувств. Отрицая евангельский тесный путь, они предлагают жалкий суррогат божественного дара – свободу для греха, основательно заковывающую человека в жесткие рамки пространственно-временного континуума.

Как уже было показано выше, святитель всегда и во всем устремляется вглубь, от внешнего к внутреннему. Описывая плачевное состояние человека на земле, он и здесь призывает от признания внешних несчастий двигаться к познанию внутреннего убожества: «надобно учиться познавать себе и свою бедность. <...> Раждается человек на беды <...> Живет и воспитывается в бедах <...> Умирает со страхом и на большия беды, кроме того, кто о Господе умирает. Беден вне человек, но и внутри беден <...> Человече, не смотри, каков вне человек <...>, но каков внутри; не каков пред людьми, но каков пред очами Божиими. <...> Я тебе истину говорю, что ты подлинно беден, как бы ты в мире славен ни был. <...> Был человек подлинно блажен, но потерял свое блаженство. <...> но изгнан в мир сей, яко в ссылку»¹⁶. Познавая же свою духовную нищету, человек становится на путь спасения, восстановления в себе образа и подобия Божия. В «Сокровище духовном...» свт. Тихон говорит: «Как начало здравия есть познание и признание немощи: тако начало христианского блаженства, познать и признать свою бедность и окаянство. <...> Великое просвещение и мудрость есть смирение, которое бывает от познания своей бедности и окаянства. <...> Учись убо того, да с успехом будешь учиться христианской философии»¹⁷.

«Таким образом, человек, по учению святого Тихона Задонского, по своему происхождению от Бога и высокому достоинству является не чем иным, как отражением славы Божией, Его образа. И потому, живя в этом мире, он должен развить все свои духовные силы, направить их к Богоуподоблению, быть постоянно в общении с Богом, прославлять Его премудрость, святость и милосердие. Вот смысл и цель жизни человека»¹⁸, – пишет исследователь жизни и творчества святителя. Богопознание – вот подлинное призвание человека! «Но как достигается знание Бога? Каким образом мы приходим к евангельской философии? – задается вопросом современ-

ный историк русской философии и отвечает – Тихон Задонский выделяет два пути: один – через «свидетельства» самого мира, другой – через «духовное рассуждение» о происходящих в нем «случаях». Первый путь традиционен для православного богословия; он состоит в понимании тайны сотворения бытия как воплощения силы, славы и мудрости Бога. <...> Другой путь более специфичен и предполагает возможность самой широкой *субъективизации* богопознания. Это метод аллегорезы <...> Источник его – в евангельских логиях Иисуса Христа. Он не требовал логического обоснования веры и всегда оставался в пределах сопричастности тайне, чуду. Этим и привлекал метод богословствования «по Христу» воронежского святителя»¹⁹. Об этом втором пути в более общем смысле этот же автор упоминает и в другой своей работе: «Аллегорический метод до некоторой степени выражал национальные особенности древнерусского способа философствования, отличая его в этом отношении от западноевропейского, основанного на классической силлогистике, приемах формальной логики Аристотеля и его школы»²⁰. При этом, «любой «случай», наводящий на духовное размышление, так или иначе способствует *эмпиризации* богопознания, заземляет экзегезу на достоверных и верифицируемых фактах»²¹. Таковы, в первом приближении, антропологические и гносеологические элементы учения Задонского мыслителя.

Теперь мы должны обратиться к сотериологии свт. Тихона, уделяя особое внимание личному участию человека в деле спасения. Оставляя на сей раз в стороне чисто богословские аспекты сотериологии, затрагивающие Божии деяния по отношению к человеку, мы остаемся, таким образом, в рамках несколько расширенной антропологии. Уделив выше место проблеме богопознания, скажем теперь и о важности самопознания, называемого им началом спасения, которое возможно лишь при наличии синергии, соработничества Бога и человека. «Истинно христианская жизнь возможна при наличии нераздельного взаимодействия Божественной благодати и человеческих усилий. Какую бы сторону христианской жизни святитель Тихон ни затрагивал, он всегда учит о том, что на пути ко спасению крайне необходима Божественная благодать, но для получения ее христианин должен принуждать себя к исполнению заповедей Божи-

их и покорять свое сердце, даже против своей воли»²². Особо надо подчеркнуть тот факт логики духовной жизни, что от правильного самопознания рождается коренная христианская добродетель смирения. «Стяжание спасительной духовной нищеты – длительный процесс, требующий целенаправленной деятельности всех душевных сил человека. И эта деятельность должна быть прежде всего направлена к самопознанию»²³.

Но первым шагом на пути ко спасению является вера во Христа как Сына Божия, приводящая человека к познанию истины во Христе, где «под словом «познание» необходимо понимать само восприятие умом вещей, не подлежащих непосредственному наблюдению человека, рассудочное принятие евангельских истин на основании свидетельств слова Божия. Это «познание» есть начало истинной веры, так что вера необходимо предполагает знание, а знание переходит в веру. «Истинная вера и истинное богопознание суть неразлучны, то есть, где истинное богопознание, там и истинная вера; и где истинная вера, там и истинное богопознание» (3:76). Вера должна непременно соединяться с разумным познанием ее предмета, однако такое соединение веры и знания возможно лишь до определенных границ, которые определяются возможностями человеческого разума»²⁴. Для укрепления веры христианин должен прилагать постоянные усилия, направленные на раскрытие естественных сил души – совести и страха Божия. Но главным заданием является, конечно же, приобретение любви к Богу и ближнему, без чего невозможно спасение души человека. «Что есть любовь Божия и какая сладость ея, слово изобразить не может; едины только тии познают ее, которые вкушают сладости ея: понеже любовь сия есть духовная и дело Святаго Духа <...> Бог хочет от человека любим быти: любит человека и от него хочет любиться, и тако в дружество с ним войдти <...> однакож не ради Своей какой пользы хочет того, но ради нашей пользы»²⁵, – говорит святитель.

Особое место в деле спасения занимает молитва, описанию которой посвящены многие страницы творений Задонского подвижника. «Молитва есть беседа с Богом. <...> на всяком месте молиться возможно. <...> Всякое время к молитве удобное есть... Бог сердечное наше желание, воздыхание слышит и знает, хотя бы уста и молчали. Бог бо не тре-

бует от нас слов. Убо молитва самым умом и без слов может совершиться. <...> слова без сердечного согласия ничтоже суть. Тогда же сие бывает, когда иное глаголет язык, иное помышляет ум. Сего ради должно тцаться, чтобы и сердце молилося, когда молится язык, и ум помышлял тое, что уста глаголют; чтобы сердце согласно было слову, и слово сердцу, и помышление в том упражнялося, что гласом произносится. <...> Истинная молитва от размышления бывает, того ради молитву с размышлением и начинать и творить должно»²⁶. В этих емких словах проступает подлинное православное учение об умно-сердечной молитве, сопряженной с ограждением сердца от помыслов, которое получило совершенное выражение в исихазме. И хотя святителя Тихона обычно не включают в исихастскую традицию, в отличие от преподобных Нила Сорского и Паисия Величковского, можно утверждать его внутреннюю принадлежность к этой сокровенной православной традиции умного делания, совершаемого умом в человеческом сердце.

Сердце человека – постоянный предмет размышлений Задонского подвижника, глубоко проникшегося духом Священного Писания, где сердцу усваивается значение психофизиологического центра человеческой личности. Под сердцем он понимает «внутреннее человеческое состояние, расположение и склонение. <...> у инаго доброе, у инаго злое...»²⁷. Оно может быть вместилищем как благодати, так и греха. С одной стороны: «Место и седалище свое имеет духовная мудрость в сердце...»²⁸, с другой – «Сердце сие человеческое само собою, без благодати Божией, есть злое...»²⁹. Святитель, всю жизнь трудившийся над очищением своего сердца, свидетельствует: «Сердце сие есть начало и корень всех деяний наших. Что бо ни делаем внутри и вне нас, сердцем делаем – или добро, или зло. <...> Следственно, чего на сердце нет, того и в самой вещи нет. <...> Что в сердце зачинается, или доброе или злое, тое вне чрез уды телесные является. <...> Всякое дело человеческое не по внешнему, но по внутреннему сердца состоянию и намерению судится. Часто бо внешнее дело у того и у другого едино бывает; но внутреннее расположение и намерение различно может быть. <...> Тако по внутреннему состоянию сердечному судится пред Богом всякое дело. И хотя дело внешнее кажется быть доброе, но от намере-

ния недоброго и непотребного происходящее пред Богом судится за непотребное. Намерение бо есть, как основание, на котором дело назидается. <...> Понеже убо всякое дело человеческое, как внутреннее, так и внешнее от сердца зависит, и каковое сердце, таково и дело – доброе или злое, и от природы имеем сердце растленное: того ради должно усердно и непрестанно молиться и просить у Сердцеведца Бога <...> сердца нового и духа правого <...> А когда сердце правое будет, то и дела правы будут»³⁰.

Непрестанно призывая человека встать на путь спасения души и отворить свое сердце Богу, святитель подробно говорит о необходимых в деле спасения христианских добродетелях. Не имея здесь возможности останавливаться на каждой из них, ограничимся простым перечислением: это – вера, любовь к Богу и ближнему, милосердие, страх Божий, смирение, молитва, послушание, надежда, покаяние и терпение в скорбях. Далее можно выделить средства, помогающие на пути ко спасению: очищение совести, пост, чтение слова Божия и творений святых отцов, рассуждение, память смертная и плач о грехах. Препятствиями на пути ко спасению, по учению свт. Тихона, являются: грех, проходящий несколько стадий развития и страсти, имеющие глубокие корни в поврежденной грехом человеческой природе. Страсти эти суть: гордость, зависть, гнев и памятозлобие, клевета, осуждение, самолюбие и славолубие, сребролюбие, лесть и лукавство, праздность, пьянство, блуд и уныние. Кстати, последняя из страстей была «жалом в плоть» самому подвижнику, терзавшим его на протяжении всей жизни, о чем мы будем говорить ниже. Подводя итог этому разделу работы, отметим, что рассуждения епископа-аскета о спасении, о добродетелях и средствах их стяжания, о грехе и страстях представляют собой замечательный образец святоотеческой психологии, весьма актуальной в наше обезбоженное время, когда люди оказались втянуты в дурную бесконечность безудержного потребления, информационного и материального, потеряв доступ к собственным сердцам.

Всякий, кто приступает к изучению творчества свт. Тихона Задонского, вынужден будет столкнуться с проблемой, которую можно условно обозначить как «Тихон Задонский и Иоганн Арндт»; иногда сюда присоединяется и Иосиф Галл. Не будем судить, насколько

реальна и актуальна данная проблема, отметим лишь, что она затрагивается, упоминается или же обсуждается почти во всей современной литературе о Тихоне. Не испытывая особого интереса к тщательному анализу взглядов многочисленных авторов на этот вопрос, мы вынуждены все же дать общее представление о нем.

Известно, что святитель любил книгу Арндта, лютеранского теолога-мистика (1555–1621), носившую так полюбившееся ему название: «Об истинном христианстве». Он ценил ее настолько, что написал своему адресату (31-е посланное письмо) следующие, часто цитируемые строки: «Вам ради вышеписанного нет удобнейшего места, яко место уединенное, куда вам советую переселиться и начать сначала святую Библию читать, с разсуждением разных Божиих дел, которые она тебе представит; и всегда, поутру и нощью, в ней поучаться, и *Арндта* прочитывать, а в прочии книги, как в гости, прогуливаясь...»³¹.

Флоровский, например, утверждает, что «...вряд ли случайно его главная книга носит то же название, что и книга Арндта...»³². Зеньковский, ссылаясь на него, идет дальше: «Было не раз высказано мнение, что св. Тихон находился под влиянием немецкого пиетизма, в частности, Арндта (которого св. Тихон знал)»³³. Флоровского повторяет почти дословно и русский иезуит³⁴. Карташев, по видимому, не прикасавшийся к данным первоисточникам, заявляет, будто труд св. Тихона есть всего лишь «... свободный пересказ книги известного вождя протестантского пиетизма Арндта»³⁵. Мельком о любви Тихона к сочинениям Арндта упоминает современный исследователь русского богословия³⁶. «Вряд ли случайно...» мнение Флоровского повторяется и в предисловии к недавно вышедшему сборнику писем святителя³⁷. Наиболее полный анализ данной проблемы мы находим в специально ей посвященной статье свящ. Павла Хондзинского³⁸, опубликованной в 2004 году. В этом же году выходит сборник избранных трудов св. Тихона, где размещается вступительная статья того же автора³⁹, включающая обсуждение этой самой проблемы.

Не имея здесь возможности подробно изложить содержание этой проблемы, ограничимся констатацией неоспоримого, на наш взгляд, факта, что святитель Тихон, прилежно собиравший повсюду свое духовное сокровище, отнюдь не находился под влиянием протестантско-пиетистской теологии. Анало-

гично можно мыслить и о проблеме нахождения западных черт в мистике святителя (относительно Страстей Христовых и «темной ночи»), обсуждаемой почти во всех вышеприведенных исследованиях.

Итак, обратившись к анализу «евангельской философии» Тихона Задонского, мы привели его размышления о ее сущности и способах достижения. Несмотря на схоластическое обрамление, его учение раскрылось как оригинальное, живое и святоотеческое. После выявления антропологических воззрений святителя в целом, мы предложили анализ его сотериологии, отметив при этом некоторые гносеологические аспекты его построений. Мы акцентировали свое внимание на таких важных для понимания его учения элементах, как духовная мудрость, вера и познание, умная молитва, сердце и т.д. Завершая исследование философско-богословского творчества свт. Тихона, мы обратились к известной проблеме сопоставления его учения с теологией И. Арндта и других западных мистиков, отметив независимость вполне православно-святоотеческого мирозерцания Задонского мыслителя от каких бы то ни было влияний протестантизма и рационализма.

Примечания

¹ Кисель, В. К читателям // Тихон Задонский, святитель. Письма. М. : Изд-во Моск. подворья Свято-Троиц. Сергиевой Лавры, 2006. С. 15–16.

² Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. М. : Изд-во Сретен. монастыря, 2001. С. 711.

³ Иоанн (Маслов), схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет. М. : Самшит, 1995. С. 159.

⁴ Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости. Брюссель : Изд-во Жизнь с Богом, 1961. С. 334, 339.

⁵ Замалеев, А. Ф. Русская религиозная философия: XI–XX вв. СПб. : Изд. дом Санкт-Петербург. ун-та, 2007. С. 66.

⁶ Иоанн (Маслов), схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении... С. 160.

⁷ Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2001. С. 725.

⁸ Флоровский, Г., прот. Пути русского богословия. Киев : Изд-во Христиан. благотворител. ассоциации «Путь к истине», 1991. С. 125.

- ⁹ Замалеев, А. Ф. Русская религиозная философия...
- ¹⁰ Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского : в 5 т. М. : Подворье Свято-Успен. Псково-Печер. монастыря, 1994. Т. 4. С. 195–197.
- ¹¹ Там же. С. 197–198.
- ¹² Там же. Т. 5. С. 321–322.
- ¹³ Там же. Т. 3. С. 304.
- ¹⁴ Там же. Т. 3. С. 308.
- ¹⁵ Там же. Т. 3. С. 311.
- ¹⁶ Там же. Т. 4. С. 198–199.
- ¹⁷ Там же. Т. 4. С. 199–201.
- ¹⁸ Иоанн (Маслов), схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении... С. 169.
- ¹⁹ Замалеев, А. Ф. Русская религиозная философия... С. 66.
- ²⁰ Замалеев, А. Ф. Религия и развитие национальной формы философии // Замалеев А. Ф. Лепты : Исследования по русской философии : сборник. СПб. : Изд. дом Санкт-Петерб. ун-та, 1996. С. 273.
- ²¹ Замалеев, А. Ф. Русская религиозная философия... С. 68.
- ²² Иоанн (Маслов), схиархим. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении... С. 221.
- ²³ Там же. С. 250.
- ²⁴ Там же. С. 223.
- ²⁵ Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского... Т. 2. С. 255–259.
- ²⁶ Там же. С. 300–303.
- ²⁷ Там же. С. 108–109.
- ²⁸ Там же. С. 13.
- ²⁹ Там же. С. 109.
- ³⁰ Там же. С. 110–112.
- ³¹ Там же. Т. 5. С. 330.
- ³² Флоровский, Г., прот. Пути русского богословия... С. 123.
- ³³ Зеньковский, В. В., прот. История русской философии. Л. : ЭГО, 1991. С. 62.
- ³⁴ Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости...С. 324.
- ³⁵ Карташев, А. В. Очерки по истории Русской церкви. СПб. : Изд-во Олега Абышко : Библиополис, 2004. С. 515.
- ³⁶ Гаврюшин, Н. К. Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород : ПЦ Глагол, 2005. С. 45.
- ³⁷ Кисель, В. К читателям... С. 14–15.
- ³⁸ Хондзинский, П., свящ. Два труда об истинном христианстве : святитель Тихон Задонский и Арндт // Журн. Моск. Патриархии. 2004. № 2. С. 62–73.
- ³⁹ Хондзинский, П., свящ. Истинное христианство в житии и трудах святителя Тихона, епископа Задонского // Святитель Тихон Задонский. Избранные труды, письма, материалы. М. : Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2004. С. 30–40.